

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.Н. Недосейкин

ЛИТЕРАТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

Учебное пособие

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2019

Раздел I

Современный литературный процесс и проблема национальной идентичности

Дать общую характеристику современному литературному процессу в зарубежных странах довольно затруднительно. Речь не идет об известной необходимости для ученого иметь некоторую временную дистанцию по отношению к изучаемому материалу. Не имеется в виду и очевидная сложность, противоречивость, запутанность литературных феноменов современности или их вполне предсказуемая незавершенность. Основная трудность заключается в том, что традиционные, проверенные опытом, термины истории литературы, к большому сожалению, оказываются практически непригодными для адекватной работы.

Например, если взять такое понятие как «направление», содержательная емкость и аналитическое удобство общепризнанно, то скоро выяснится чрезвычайно любопытный момент. В применении, допустим, к французской литературе последних десятилетий можно выделить всего лишь одно направление, которое к тому же еще и не является ведущим. Именно таков «минимализм». Очевидное же отсутствие других направлений скорее свидетельствует о нерелевантности традиционного аналитического аппарата. Примерно те же результаты получаются и в случае использования тематического принципа, не говоря уже о жанровых модификациях литературных форм. Здесь можно упомянуть такое явление как «университетский роман», бывший одно время чрезвычайно популярным в английской и американской литературе. Однако при его внимательном изучении на уровне поэтики очень скоро выяснилось, что никакой особенной художественной специфики этот тип романа не имеет. Его максимум – это «университетский» материал, с помощью которого создается то или иное произведение, обилие «университетских» деталей, расчет на образованную публику и т.п. На

Удачно обозначил этот процесс один из ведущих французских литераторов М. Уэльбек, который в беседе с популярным философом Б.-А. Леви обронил следующую фразу: «Вот почему, собственно, я стал писателем (нет, выразимся корректнее: вот почему я написал несколько романов)». Речь идет просто о пишущем книги человеке. Очевидно, что отказ от звания писателя продиктован стремлением избежать некоторых обязательных, а потому и ограничивающих «обязанностей». Ведь писатель действительно должен претендовать и на определенное учительство, и на духовность, и на глубокое понимание человеческой природы. Писатель – это не совсем профессия, здесь постоянно присутствует момент призванности. Уэльбек же находится словно бы в преддверии писательства, в бесконечном приближении к нему; он человек, который никогда писателем не станет. Можно сказать, что современный писатель чрезвычайно скромен, он изначально находится на краю традиционного писательства, полностью мигрируя на этот край. Интересно, что это происходит вне зависимости от тиражей, популярности, количества наград и даже имиджа писателя. Хотя последнее – имидж – играет очень существенную роль и также может быть рассмотрено как специфический «литературный факт». Тот же Уэльбек тщательно работает над собой, отсылая всех своих читателей к образу «обычного человека». Отсюда стандартизированное поведение, стремление не выделяться из толпы, озабоченность бытовыми вещами, скромность в одежде и т.п. Совершенно иначе строит себя Бегбедер, который задействует весь классический богемный арсенал, но с учетом современных реалий. Практически любое его выступление, появление на публике, участие в конференции оборачивается хотя бы мелким скандалом, который все ждут и по поводу которого все «обычные люди» возмущаются, получая от этого, как известно, удовольствие.

Думается, что здесь необходимо отметить еще один литературный факт – книжные премии. Можно смело утверждать, что в последние десятилетия их статус и значение резко выросли. И дело не только в том, что с их помощью осуществляется финансовая и социальная поддержка творческих сил общества. По сути дела премии стали выполнять роль читательского навигатора в обширном текстуальном пространстве мировой литературы. Наличие у писателя ряда премий теперь четко свидетельствует об определенном знаке качества той художественной продукции, которую он производит. К этому «социологическому» фактору, как нам представляется, можно также присовокупить наличие литературного агента, обязательные встречи с читателями, чтение публичных лекций, активное присутствие в социальных сетях и т.п.

Раздел II

«Английскость» как идеал и практика смыслопорождения в романе М. Ондатже «Английский пациент»

Майкл Ондатже на сегодняшний день является одним из самых известных канадских писателей, пишущих на английском языке. Во многом такая литературная репутация сформировалась под влиянием двух факторов: во-первых, его роман «Английский пациент» (1991) получил Букеровскую премию, а, во-вторых, через пять лет вышла исключительно «оскароносная» экранизация этого произведения. К тому же необходимо заметить, что в 2018 году этот роман получил так называемого «Золотого Букера» как лучшее произведение среди букеровских лауреатов за последние пятьдесят лет. Этот факт лишний раз подтвердил тот международный статус, который с годами приобрел М. Ондатже. Но действительно продолжает находиться в числе наиболее интересных и талантливых прозаиков нашего времени.

Будущий писатель родился в 1943 году на острове Цейлон (ныне это остров Шри-Ланка) в семье потомственной колониальной аристократии. Именно поэтому он получил возможность продолжить свое образование в Англии. И только в 1962 году Ондатже переехал жить в Канаду. Таким образом, становится очевидным, что интерес писателя к постколониальной проблематике, вопросам национальной и культурной идентичности имеют в его случае глубоко личное происхождение. И тема культурной памяти появляется в его самом популярном произведении совершенно не случайно.

Действие романа, разворачивающееся сразу в нескольких временных пластах, в основном сосредоточено вокруг четырех персонажей, собравшихся волею Второй мировой войны на заброшенной итальянской вилле Сан-Джироламо около Флоренции. Это канадцы Хана Льюис и ее дядя Дэвид Караваджо, индус Кирпал Сингх (Кип) и собственно «английский пациент», получивший такое прозвище по ряду причин, среди которых постепенно выходит на передний план его нежелание возвращаться к собственному имени (другими словами, его стремление раствориться в общеевропейском пространстве культуры). Только ближе к концу произведения Караваджо удается опознать полностью обгоревшего и постепенно умирающего человека. Им оказался венгр Ладислос де Олмаши, ученый-географ, много лет занимавшийся изучением Ливийской пустыни и работавший в годы войны на немецкую разведку.

Этот слегка детективный момент, призванный поддерживать напряжение в тексте Ондатже, постепенно выводит читателя на более важную проблематику, затрагивающую экзистенциальные основы человеческого существования. Писатель пытается проанализировать, как возможно остаться человеком во время и после войны, что такое европейская цивилизация, в каких отношениях находятся отныне культура и мораль и др.

Для начала стоит обратить внимание на место действия, где Ондатже собрал своих персонажей. Старинная вилла оказывается настоящим «местом памяти», если воспользоваться известным выражением французского историка П. Нора. Действительно, по мнению английского пациента, именно здесь собирались и беседовали одни из самых известных деятелей итальянского Возрождения XV столетия: Анджело Полициано, Лоренцо Великолепный, Пико делла Мирандола, молодой Микеланджело и др. Все здесь напоминает об этой эпохе: и сам феномен загороднойвиллы, и росписи стен, и огромная библиотека, и стремление облагородить, то есть окультурить окружающий ландшафт. Именно здесь, по мысли писателя, лежит фундамент будущей европейской цивилизации, ее ценностей, установок, правил и обязательств. Немудрено, что на этой вилле собрались люди самых разных национальностей, которые оказались, если можно так выразиться, захвачены этой культурой, стали помимо своей личной воли ее носителями. Отныне они воспринимают это чужое наследие как свое, причем со временем ощущение этой фундаментальной инаковости начинает у персонажей пропадать. Так, во время своих чуть ли не бесконечных монологов, английский пациент начинает путать времена, теряется в формах повествования, примеряет на себя разные национальные традиции и способы идентификации.

В рассматриваемом здесь контексте не стоит забывать и тот очевидный факт, что в заголовок романа писатель поместил именно фигуру английского пациента. Для Ондатже эта фигура постепенно превращается в некий обобщенный символ всей европейской цивилизации и культуры. Его манера увлекать историческими рассказами, постоянная обращенность в прошлое, стремление запоминать буквально все вокруг, превращать реальность в некоторое подобие культурного палимпсеста явно корреспондируют общим представлениям о западной цивилизации. Только в ее рамках

возможно возникновение столь необычного подхода к окружающей действительности. Именно здесь любое событие, имеющее историческое или глубоко личное значение, моментально преломляется сквозь культурную память.

Такой подход, с одной стороны, позволяет разглядеть смысл даже в тех действиях, которые, казалось бы, на первый взгляд, их вообще не имеют. Например, обсуждая с Караваджо его удивительную «итальянскую» фамилию, английский пациент тут же вспоминает знаменитую картину этого художника «Давид с головой Голиафа». И чуть далее проецирует сюжет живописного полотна на свои отношения с Кипом, индусом-сапером: «Когда я увидел Кипа в ногах моей кровати, то подумал: вот он, мой Давид»¹ [145]. С учетом последующего развития романного действия, можно сказать, что Олмаши, благодаря своей удивительной культурной памяти, смог предугадать дальнейшую судьбу этой необычной дружбы. Да и само появление Кипа в жизни других жителей виллы напрямую связывается автором, хоть и задним числом, с чтением романа Киплинга «Ким» (1901): «Тогда в их жизни еще не появился сапер, словно сошедший со страниц этой книги. Как будто книгу Киплинга потеряли ночью, словно волшебную лампу Аладдина. Источник чудес» [117].

Помимо прогностической функции, неоднократно обыгрываемой Ондатже на протяжении всего романного действия, можно обнаружить и иное предназначение культурной памяти. Она призвана наводить порядок в тех случаях, когда не осталось, казалось бы, уже никакой надежды. Эта «фундирующая» функция, особенно ярко проявляет себя как раз при изображении военных действий. Война – это время, когда «люди утратили себя, тонкое искусство быть собой осталось только в книгах или на стенах церквей»

¹ Ондатже М. Английский пациент / М. Ондатже ; Пер. с англ. Н. Кротовской. – М. : Изд-во Независимая газета, 2002. – С.145. Здесь и далее текст произведения цитируется по этому изданию. Страницы указаны в квадратных скобках.